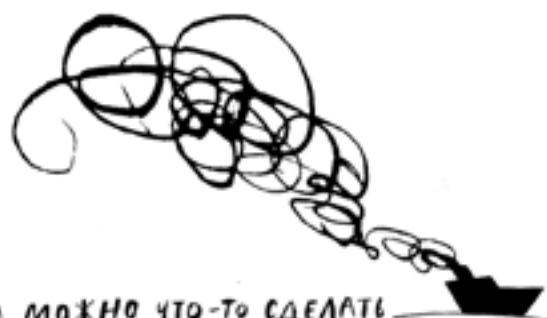

СОДЕРЖАНИЕ

СИМЕОНОВЫ ДНИ	9
МОРСКАЯ ВИОЛА	17
ПРОЩАЙТЕ, ПРОШЛОГО СЧАСТЛИВЫЕ СНЫ	38
ЖЕСТОКОСТЬ	44
МАЛЕНКОЕ ПРИЗНАНИЕ	64
НЕОЖИДАННЫЕ ГОСТИ	76
ВОЛШЕБНАЯ РУСЛКА	83
ВНУТРИ ОЛИВЫ	92
ЛЮДИ, КОТОРЫХ НИКТО НИКОГДА НЕ ЛЮБИЛ	102
ПУСТЫЕ СТОЛЫ И ВЕЛИКИЙ ПЕРЕПОЛОХ	110
ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ РАССКАЗАННОЙ	121
НОЧНОЙ ДОЗОР	135

ВСЕГДА МОЖНО ЧТО-ТО СДЕЛАТЬ	152
ДИКАРИ	163
ХОРОШО, ЧТО Я ЭТОГО НЕ ЗНАЛА	180
ЕСЛИ СЛЁЗЫ ПРОЛЮТСЯ НА ЗЕМЛЮ	188
НЕПРАВИЛЬНЫЕ ВЕСИ	204
СТАРОЕ ОБЕЩАНИЕ	214
СНЫ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ	219
БЕДЫ, РАДОСТИ И ЧУДЕСА	224
ЗА ОДНУ СЛОКВУ	234
ЧЁРНЫЕ ПАРУСА КОРСАРОВ	240
В ТЕНИ КОРАБЛЕЙ	248

Мелине Каракоста

*«— Мать, отчего твои слёзы льются
солёной рекою?
— Плачу водой, сеньор мой, водой мор-
скою».**

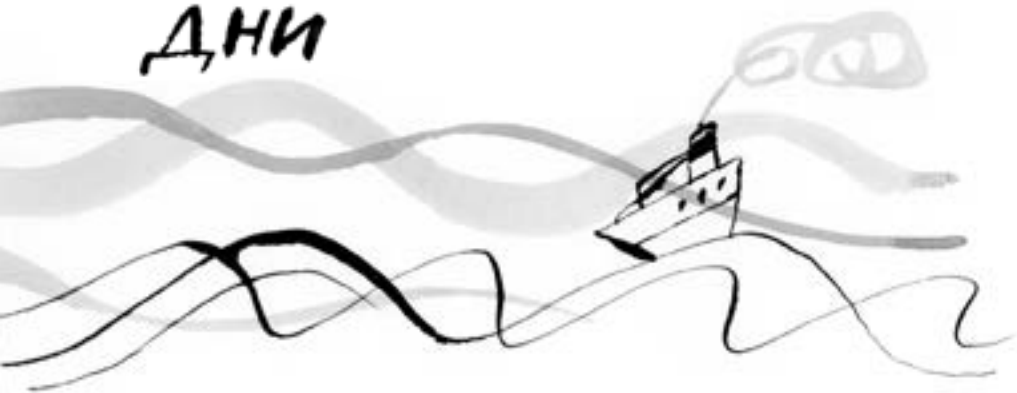
Федерико Гарсиа Лорка

---

* «Баллада морской воды», в переводе А. Гелескула.

СИМЕОНОВЫ ДНИ

Фотó* положила руку на живот.

— Богородица моя, сделай так, чтобы не сегодня я родила, и пусть дитя не выйдет меченым.

Со дня, как узнала, что родит после Трех святителей, обливалась Фото холодным потом.

— Доброго Сретенья тебе, моя девочка, зима уже почти позади, и хорошо. Скоро придет пора разрешиться тебе от бремени. А зима не помогает растить детей.

— Бабушка, откуда ты знаешь, что я рожу именно тогда? А вдруг днем позже?

— Все будет хорошо. Не тревожь себя дурными мыслями.

---

* Фотó — уменьшительное от женского имени Фотины.

Но дурные мысли тревожили Фото. Снова и снова она считала и пересчитывала дни, всякий раз отмеряла время по великим праздникам, коих после Трех Святителей еще три. День Святого Трифона покровителя виноградарей. Принесение во храм, или день Богородицы, останавливающей мельницы, потому что и мельницы будут стоять, и мели-не мели, всё одно молоты не будут. И Симеон Богоприимец. В него-то дети и рождаются мечеными. И захоти Фото, забыть об этом она бы не смогла.

Разве не слышала она десятки историй о страшных событиях, что происходили в Симеонов день? Разве не в такой день на острове напротив родился ребенок с кривым ртом, ушами на затылке, глазами на макушке? Мать ничего не сказала из страха перед деревенскими: боялась, что те заберут малыша и оставят на перекрестке без воды и хлеба. Спеленала его хорошенько и никому не показывала. Рос этот ребенок, и росли его рот, уши на затылке, глаза на макушке. И таким он стал большим, что пеленки теперь его не укрывали. И взяла его мать как-то ночью, и поглотила их обоих черная тьма. С тех пор никто их и не видывал, никто о них и не слыхивал.

Фото перекрестилась. Поднялась и воскурила ладан, пройдя по всему дому, чтобы не было в нем места для злого. Но если зло и ушло, то мысли остались. И если бы только мысли, так еще же и тошнота, которая не оставляла ее целых девять месяцев.

Все эти месяцы Фото будто странствовала по бурному морю и на каждой волне изливала желчь. Она все наглаживала живот — вдруг да и успокоится, но как же, без толку. Поймала волну, встала и пошла. От подушки не отрывалась, да вовсе не отдыхала. Спала на ходу, и ничего ей не помогало. Двери, окна, каждую мачту чувствовала.

Тихую деревню, уцепившуюся за края скал, день напролет укрывала тень соседней горы. Море простиралось в двух шагах, но здешние люди чувствовали себя горными жителями. Рожденные под сенью Кофины — так гора звалась, — то же имя они дали и своему поселению.

Под Кофиной родилась и Фото, на пять лет позже Стратоса, своего мужа. С детства они были неразлучны. Жили в соседних домах. Впереди шел Стратос, позади Фото вышагивала. За всю свою жизнь она на всё привыкла смотреть именно так — из-за его спины.

Однажды Стратос обернулся и взглянул на нее: — Что ты ко мне привязалась, малявка?

Фото чуть не ударилась в слезы — подумала, что ее сейчас прогонят. Мальчики в деревне были суровыми, с малых лет привыкали к трудностям. Когда они появлялись на свет, имена им давали по тому занятию, что ждало их, когда подрастут. Один должен был стать дровосеком, другой — возделывать землю, третий — ходить за свиньями, четвертый — за ослами. Стратос

смотрел на Фото, и ей казалось, что она вовсе язык проглотила. Она знала, что Стратос идет кормить свинью, и в смятении выпалила то же и про себя:

— Я иду к нашей свинье.

— Да что ты говоришь, малявка, вроде как у вас и свиньи никакой нет?

Теперь Фото захотелось сбежать. Мало того, что она таскалась за ним безо всякой причины, так у них еще и свиньи не было. Стыдно-то как... В деревне семьи, которые не могли позволить себе свинью, считались самыми бедными. Говорили даже, что в дома, где в канун Рождества не раздастся визг свиньи, которую режут, новый год не придет.

Своими словами Стратос ранил Фото в самое сердце. Все отец виноват: покинул дом, уехав в другую страну и оставив семью. Мама делала что могла, лишь бы Фото росла без забот, но свинью они в этом году не купили. Фото толком и не помнила отца, но простить ему жизнь без свиньи не могла:

— Мама, я не перейду в следующий класс в этом году?

— Если умеешь читать, перейдешь.

— Но мы же не купили свинью.

— Фото, новый год и с вареной курицей прекрасно наступит, свинья для этого не нужна.

Фото маме не поверила. Во взглядах других детей ясно читалось: с ее семьей что-то не так. Она слышала

плач и вздохи бабушки. Все дело было в свинье. Все, чего Фото страстно желала, получить свинью. Этого она хотела даже больше, чем возвращения отца.

И теперь она стояла за спиной Стратоса.

Он засмеялся, как будто жалея, что был так резок.

— Ладно, малявка. Раз уж ты таскаешься за мной везде, пойдем к нашей свинье. Не плачь. Будем вместе за ней ухаживать.

С этого дня Фото собирала для свиньи Стратоса все объедки. Оказанную им великую милость Фото так и не забыла, все детство была ему благодарна. Они стали неразлучны: каждый день шли одной и той же тропой к свинарнику, сначала кормили свинью, а затем играли с ней. И какие только истории не выслушала та первая свинья. На Рождество ее зарезали. Фото плакала навзрыд, но Стратос сказал, что свиньи на то и существуют, чтобы их есть.

Вот так они и влюбились друг в друга ухаживая за свиньей. Шло время. Фото потеряла уже обоих родителей. Они со Стратосом выросли. Однако даже спустя годы все самые важные разговоры они вели возле свиньи как привыкли. Именно здесь Стратос рассказал о своей мечте уйти во флот. Фото стало страшно она не представляла своей жизни без него. А потом Стратос добавил, что на самом деле у него две больших мечты: море и Фото. Стратос получил и то и другое. Он сделал Фото своей женой, а через

несколько дней после свадьбы уехал наниматься на корабль. К счастью, он не оставил Фото одну, их страсть уже принесла плоды. Фото чувствовала, как растет в ней любовь Стратоса. Она написала мужу, и тот обещал вернуться к рождению ребенка.

Фото не рассказывала ему в письмах о головокружении и тошноте: боялась показаться недовольной и сварливой. По морям ходит он, а на бури и шторма жалуется она, сидящая в тени Кофины. «В следующий раз, решила она, точно напишу». Фото никак не могла взять в толк, что тому было причиной. Может, ребенок плавал в ее животе неустанно? Или она каким-то загадочным образом следовала за Стратосом в его долгих путешествиях? Она ничего не знала о море, и ее беспокоило, что, тоскуя по мужу днем и ночью, она видела его только в бушующих волнах. «Стратос, выдохнула она, но что-то в ней договорилось остальное, Ах, Стратос, пожалуйста. Брось все и приезжай. Я больше не выдержу без тебя».

Фото почувствовала, как толкается ребенок, и прижала руку к животу.

— Не торопись, детка. Завтра тоже будет день. Не надо рождаться сегодня. Давай потерпим еще денек.

Пришла бабушка, совсем крохотная от прожитых лет, и сразу отправилась на кухню. Фото услышала,

как бабушка зажигает лампадку и кладет девять земных поклонов, и прошептала:

— Бабушка, мне страшно.

Бабушка вошла. Она подошла к Фото, поцеловала во взмокший лоб, а затем, опустив взгляд, прикоснулась к ее животу.

— Началось?

— Нет, бабушка, я могу продержаться до завтра. Скоро стемнеет. Завтра, он родится завтра. Мне страшно, бабушка. Я боюсь, что ребенок будет меченым.

— До полуночи, Фото, ты родишь до полуночи. Так что будь готова. Этого не изменить. Если уж суждено ребенку родиться сегодня, сегодня он и появится на свет.

Бабушка бросилась в свою комнату, зашуршала чем-то в сундуке. Слушая этот звук, Фото вдруг почувствовала, как ускоряется дыхание. Теперь она втягивала и выдыхала воздух часто-часто как лошадь, идущая в гору.

— На дикие горы, на бесплодные деревья, на птиц в долине пусть перейдут оспины да рябины.

Наконец появилась бабушка в руках у нее была длинная белая рубашка.

— Давай, детка, смени-ка одежду на эту, из поденного полотна. За один день моя мать спряла ту пряжу и соткала полотно, и я хранила эту рубашку долгие годы.